Марина Ветрова ✦ Юнона Белова

Измена мужа.

Ты проиграл меня в карты ради любовницы, но шейх выкупил мою свободу!

Марина Ветрова

Измена мужа. Ты проиграл меня в карты ради любовницы, но шейх выкупил мою свободу!

«Автор»
2026

Ветрова М.

Измена мужа. Ты проиграл меня в карты ради любовницы, но шейх выкупил мою свободу! / М. Ветрова — «Автор», 2026

Муж проиграл меня в карты.Не только мои драгоценности, материнское кольцо и документы. Он позволил своей любовнице выставить на аукцион меня саму.Лот номер семь. Право на владелицу.Четырнадцать лет я расплачивалась за долги Марка. Но теперь расплатой должна стать моя свобода.Когда в зале объявили торги, я думала, что моя жизнь закончилась.Пока не вмешался шейх Тарик аль-Рашиди.Он заплатил за моё освобождение. Но почему этот опасный мужчина не спешит отпускать меня? Какие тайны скрываются за его аукционом?И что произойдёт, когда мой неверный муж поймёт, кому проиграл собственную жену?На этот раз я не собираюсь молчать.

© Ветрова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лот номер семь 5
Глава 2. Двери снаружи 8
Глава 3. Ультиматум 10
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Марина Ветрова, Юнона Белова Измена мужа. Ты проиграл меня в карты ради любовницы, но шейх выкупил мою свободу!

Глава 1. Лот номер семь

В Марракеш я прилетела в четвёртый раз — и, как всегда, гасить чужой долг. Муж говорил, что у меня талант к деньгам. Вернее — к их отсутствию: я умею их не иметь и всё равно расплачиваться.

Приглашение Марк прислал с утренним чаем: «Дом холдинга, восемь вечера. Возьми документы, подпишешь заклад — и мы чисты. Наконец-то, Устя». Четырнадцать лет я подписываю не глядя, чтобы не портить людям вечер. Привычка вышла мне дороже хорошей квартиры.

Дом стоял в старой части города, глухой, без вывески: глиняные стены, кедровые двери, медные скобы потемнели от чужих рук. К вечеру стены отдавали накопленный за день жар — я шла к входу, будто вдоль батареи. Внутри ждали прохлада камня, плеск фонтана в закрытом дворе и запах, который я запомнила сразу: воск, дерево и чуть-чуть розы. Так пахнут большие чужие деньги, когда им тепло.

На входе мне подали мятный чай в низком стакане — приторный, обжигающий. Я не притронулась: не смогла заставить себя сделать глоток. И ещё не нашла в сумке паспорта. Он пропал из сейфа ещё вчера, и Марк объяснил: «В банк, для страховки». Я даже не удивилась. Вот что надо знать обо мне: я никогда не удивляюсь вовремя.

Зал был деревянный, тёплый, под потолком лениво ходили веера. Ряды стульев, люди в белом и в чёрном, распорядители несли лоты на подносах, накрытых шёлком. В этом доме всё накрыто шёлком. Наверное, чтобы красивее падало.

Каталог мне выдали у входа — плотный, в тканевом переплёте, с лентой-закладкой. Я села в последний ряд и стала читать, как читала все описи своей жизни: быстро, точно, молча.

Лоты с первого по шестой были чужие: камни с чужими историями, серьги, которые пережили три имени, часы чьего-то деда. Я перелистнула страницу.

Седьмой лот развернули во весь разворот — на чёрном шёлке.

Кольцо моей матери. Тонкое, с мелким бриллиантом в глухой оправе — «малёк», говорили у нас в мастерской. На фотографии под шинкой метки не видно. Я знаю, что она там: молоточек над искрой, отцовская тайная метка. Два года назад я сама подновляла её лупой и штихелем, заперев дверь мастерской.

Серьги — мои. Я собрала их в студенческие годы из двух забракованных камней и до сих пор помню, как обжигала пальцы о горячий воск.

«Гарнитур семейный. Документы личные: паспорт».

И ниже, отдельной строкой, набранной спокойным чистым шрифтом: «Право на владелицу».

Я сидела в последнем ряду дорогого дома и смотрела на собственный паспорт в чужом каталоге. Внутри стало очень тихо и очень холодно — словно у меня в груди открыли сейф и вынули всё до последней бумажки.

Женщина за соседним креслом шепнула подруге: «Говорят, седьмой продадут со скандалом». Подруга зевнула.

В третьем ряду, у прохода, сидела женщина в сером, цвета голубиного крыла. Она не обернулась, но я поняла, кто она, — по рукам. Так держат каталог не читатели, а оценщики: они не читают, они взвешивают. Любовница моего мужа. Я никогда не видела её в лицо — и узнала по тому, как она сидела: у неё не было ни одной лишней мышцы на лице.

Я дошла до распорядителя, держа каталог, как щит.

— Лот семь. Это мои вещи. Это мой паспорт.

Он посмотрел на меня с вежливым сочувствием человека, которому много раз объясняли очевидное.

— Ваше приглашение подписано, госпожа. Все права подтверждены документально.

— Кем подписано?

Он наклонил голову — извиняясь — и отступил на шаг. Разговор был окончен, хотя я не успела его начать.

Мимо, близко, проскользнул серый шёлк. Аглая остановилась на полсекунды — ровно настолько, чтобы я услышала:

— Оценивали вас три недели. Вы стоите дороже, чем думаете. Меньше, чем стоите, — но дороже, чем думаете.

— Кто ты такая? — спросила я.

— Лицо лота. Сегодня — его лицо. — Каблуки ушли по камню ровно, как метроном.

За резной дверью в глубине зала что-то стукнуло — фишки по дереву, — и я услышала знакомый смех. Голос Марка пробился сквозь кедр вместе с запахом табака: «…жена у меня серьёзная, подпишет. Она всегда подписывает». Смех. Мой муж играл в задних комнатах, пока я на передней странице.

Свет в зале начал меркнуть сам, по ярусам, как гаснут окна в большом доме. Люди рассаживались без единого слова.

Он вошёл без свиты.

Единственный человек в этом зале без единого камня на себе. Часы стальные, простые. Тёмный костюм, сидящий так, будто сшит без примерок — сразу по человеку. Он поднялся к молоту, и зал затих, как затихает комната, когда зимой открывают окно. Так бывает только с теми, кого не просят слушать.

Первые шесть лотов ушли быстро: голоса, кивки, перстни-печатки. Суммы называли в тысячах, и никто не уточнял, чего именно.

— Лот номер семь.

Поднос вынесли на середину. Аглая встала рядом — лицом лота. Уголок шёлка приподняли, и в свете лампы вспыхнул бриллиант моей матери. Маленький. Упрямый. Мой.

— Сто, — сказал человек с молотом. Голос негромкий, с той ровной низиной, от которой у людей в этом зале выпрямлялись спины.

— Сто двадцать, — отозвался кто-то слева.

— Сто пятьдесят.

— Сто восемьдесят, — сказала женщина в изумрудах, не поворачивая головы.

Пауза. Аглая медленно подняла руку:

— Двести.

Я вцепилась в каталог так, что лента-закладка врезалась в ладонь. Встать. Сказать. Хоть что-то.

— Триста, — произнёс человек с молотом.

Зал замер. Он не смотрел на Аглаю. Он нашёл глазами меня, в последнем ряду, — и посмотрел так, как ведут лупой по камню: медленно, безжалостно, без единой эмоции. Где-то на середине этого взгляда меня отметили. Как клеймят.

— Триста, — повторил он ровно. — И это последний раз, когда я повторяю.

Никто не дышал. Изумруды не шевельнулись. Серый шёлк опустил руку.

Дерево молота легло на подставку — коротко, буднично, как закрывают книгу.

— Продано. Лот следует за мной.

Я встала. Мне никто ничего не запретил — просто между мной и залом разом выросли три белые рубахи. Вежливо. Без слов. Как всё в этом доме.

Ко мне подошёл мужчина с лицом из тёмного камня и спокойными руками.

— Госпожа Клопова. Пройдёмте, пожалуйста. Лот следует за господином.

— А мой муж? — спросила я. Голос был ровный. Горжусь этим голосом до сих пор.

— Господин Гладков расчётовался в задних комнатах и отбыл. Через чёрный ход, сразу после шестого лота.

Сразу после шестого. Он даже не дождался своего седьмого лота — меня. Деньги не любят ждать, а Марк всегда был верен деньгам больше, чем кому-либо ещё на свете.

Меня вели коридором: глиняные стены к ночи уже остыли и дышали сырой прохладой, в медных лампах дрожали маленькие огни. Дверь в конце была шире прочих, кедровая, с медной накладкой до пояса.

— Крыло победителя, — сказал человек из камня и открыл её передо мной.

Комната была красивая, как витрина: шёлк на кровати, фрукты в медной чаше, чай, тёплый свет. Всё необходимое. Всё чужое.

— Если господину что-то понадобится, — сказал он и вышел.

Ключ повернулся с той стороны. Щелчок был вежливый, как всё в этом доме.

Я стояла посреди чужой красивой комнаты и делала то, что умею лучше всего, — опись. Одна дверь, запертая. Одно окно, с красивой решёткой. Ноль паспортов. Ноль выходов. Одна я — оценённая, купленная, доставленная.

Я села на край кровати, потрогала шёлк — гладкий, холодный. Потом сказала вслух, тихо, как научила меня мама:

— Ну что, Устя. Посчитаем.

Глава 2. Двери снаружи

Опись помогала. Опись всегда помогала: когда папа уходил в запой, когда мама собирала вещи за одну ночь, когда Марк в третий раз заложил её серьги. Пока руки и голова заняты подсчётом, сердце сидит тихо, как хороший камень в правильной оправе.

Итак. Одна кровать, шёлк настоящий — тут даже не пытались схалтурить, кромка ровная, плотность ткани высокая. Одна чаша, медь, чеканка ручная, восточный узор, штук пять плодов — апельсины, инжир. Один чайник, один стакан с золотым ободком. Одна я.

А потом часы в глиняной стене пробили полночь — и я услышала, что в коридоре кто-то есть.

Не тот, кто ходил весь вечер. Этот шаг был другой: лёгкий, ровный, экономный. Так ходят люди, которые считают чужие вещи профессионально. Я узнаю эту походку — по ней ходил в нашу мастерскую Юлиан Шталь, когда я была девчонкой, сидела под верстаком и учила наизусть весовые таблицы.

Шаги остановились у моей двери.

— Откройте, — сказали с той стороны спокойно. Даже вежливо. Голос с лёгким акцентом, поставленный, как дорогой инструмент. — Устинья Клопова. Со мной можно не запираться.

У меня по спине прошёл холод. Не потому, что я его испугалась. Потому что он знал моё имя так, как знают цену вещи — точно, до копейки.

— Лот продан, — сказал голос дальше. — Но аукцион — это форма. Вещь можно просто забрать. Отойдите от двери, господин.

Третий голос я узнала сразу. Человек из камня. Тот, что вёл меня коридором.

— Приказ господина: лот не покидает крыла. С участницей сделки так не поступают.

Пауза. Долгая. Я стояла посреди комнаты босиком; прохладный пол холодил ступни. До меня дошло: за дверью спорили обо мне — как о цене вещи через стену ломбарда.

— Аукцион был закрытым, — сказал Оценщик мягко. — А это нарушение протокола. Ваш господин понимает, что берёт на себя?

— Ваше клеймо здесь ничего не решает, — ответил человек из камня. И добавил тише, но так, что я расслышала: — Уходите, пока вас не вынесли.

Потом был звук, который я знаю всю жизнь. Короткий, глухой, тяжёлый. Стук клейма — его ставят не молотком, а ручным пуансоном, врезая в оправу пробу и имя мастера. Так метят вещи. Так метят чужое.

Он приложил клеймо к моей двери. Изнутри я увидела, как в кедровом дереве под медной накладкой появляется маленькая тёмная метка — знак синдиката, «без аукциона». Метка на двери вещи — это не приглашение. Это счёт, предъявленный хозяину дома.

Шаги ушли. Человек из камня остался стоять в коридоре — я слышала, как он дышал, ровно, до самого рассвета.

А я села на пол у самой двери, спиной к дереву, и стала думать.

Итак. Есть люди, готовые забрать меня ночью, без бумаг. Есть хозяин дома, который держит дверь. Значит, я не просто добыча — я ставка. А ставка, которая кому-то нужна настолько, что за ней приходят, — это уже не вещь. Это капитал.

Я вытащила из чаши инжир и съела. Зачем-то это помогло.

Утром щёлкнули засовы — три, аккуратные, снизу вверх. Дверь открылась, и вошла женщина лет пятидесяти, широкая, в синем домашнем платье, с подносом. На подносе — круглый хлеб, ещё горячий, от него шёл пар, и стакан с чаем, и маленькая пиала мёда.

— Зура, — сказала она, себя называя. И посмотрела на меня долгим взглядом, как смотрят на молодую, которая не ела. — Садись.

Я села. Хлеб был с тмином, корка треснула под пальцами, и пар вышел наружу запахом детства — у мамы в деревне пекли так же, в той печи, до которой папа так и не дошёл руками.

— Здесь замки, — сказала Зура, раскладывая хлеб на две части и вкладывая в мою большую. Она говорила медленно, подбирая русские слова, как камни для оправы. — Но не против тебя. Против гостей ночных. У господина враги, у дома враги. Дверь запирают, чтобы вещь не украли.

— Я — вещь, — сказала я ровно.

Она фыркнула. По-настоящему, обидчиво, как фыркает тесто.

— Вещь — это то, что стоит на витрине и молчит. Ты разговариваешь. Вещи не разговаривают. — Она подвинула мне мёд. — И ещё. С той, с кем говорят, — так не поступают. Поняла? С ней договариваются. Ходи осторожно, девочка. Ешь хлеб.

Хлеб был такой, что у меня защипало глаза, и я решила, что это от тмина.

Потом Зура собрала поднос, остановилась у двери и сказала, не оборачиваясь:

— Господин наказал: если ты захочешь работать руками — инструменты принесут. Говорит, человек, у которого заняты руки, меньше боится.

Она вышла. Засовы щёлкнули обратно — три, сверху вниз, вежливые.

Я сидела с последним куском хлеба и понимала, что это самое странное утро в моей жизни: меня купили, заперли — и принесут мне инструменты. В этом доме тюрьма и забота жили в одном замке, и я ещё не понимала, где тут дверца для меня.

Я доела хлеб, облизнула мёд с пальцев и начала вслух, методично, как когда-то под верстаком:

— Итак. Один стук клейма на двери. Один ночной гость. Один хозяин, который держит оборону. Ноль объяснений.

И тут засовы щёлкнули — все три, без предупреждения. Дверь открылась настежь, впуская утро и запах глины, и в проёме стоял он. Тот самый, с молотком. Без молотка — просто в тёмном костюме, с папкой в руке, и глаза у него были цвета остывшего чёрного кофе.

— Госпожа Клопова, — сказал Тарик аль-Рашиди. — Нам нужно поговорить о вашем муже.

Глава 3. Ультиматум

— Мне нечего о нём рассказывать, — сказала я и отступила на шаг вглубь комнаты. — Я видела его в последний раз в каталоге. Седьмой лот. Очень удачное фото — он даже не догадывается, что попал в кадр.

Уголок его рта дрогнул. Он вошёл, не спрашивая разрешения, и положил папку на низкий столик у дивана. Никаких стражей за спиной — один, словно и не считал нужным охраняться.

— Тогда поговорим о вас. Одевайтесь. На террасе прохладно.

— Я не собираюсь подписывать ничего, что вы мне предложите.

— Вы не знаете, что я предлагаю.

— Я знаю, что бывает после слов «нам нужно поговорить». Я десять лет слушала их от сборщиков долгов моего мужа. Всегда после этого кто-то подписывает.

Он смотрел на меня долго — так, как смотрят не на женщину, а на предмет, который неожиданно оказался не тем, чем значился в описи.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Тогда просто спуститесь поесть. С едой не разговаривают о подписях. Это правило дома.

Я оделась. Не потому что подчинилась — потому что хотела есть, и потому что терраса была на своей стороне двери.

Терраса оказалась высокой, над внутренним двором, где в мангровом дереве ворковали голуби. Глина напротив стены была цвета старого золота, внизу блестел бассейн — узкий, как полоска ножа. Стол был накрыт на двоих: лепёшки, оливки, зелёный чай, и — я замерла — барабулья, жареная целиком, с тмином и лимоном. Рыбу на завтрак подают не пленнице. Так кормят гостью, с которой ведут переговоры равных.

Он откинул крышку с чайника, налил мне, держа стакан высоко, — тонкая струя поднялась пену. Руки у него были красивые, с чистыми, без колец, пальцами. Руки человека, который ставит печать.

— Ешьте, — сказал он. — Потом договор.

Я ела. Рыба была нежной, будто её поймали час назад. Я специально не торопилась — пусть видит, что я не голодная. Хотя это было ложью: я была голодная всегда, всю замужнюю жизнь.

Он подвинул мне папку, когда я отложила вилку.

— Ночью к вашей двери приходил человек, — сказал он ровно. — Его зовут Юлиан Шталь. В некоторых кругах — Оценщик. Он предложил мне продать вас «без аукциона». Забрать сегодня, молча. Мой человек отказал ему от моего имени — но Шталь вернётся. Такие не оставляют лотов в чужих руках.

Рыба внутри меня стала холодной. Я вспомнила хруст гравия и голос за дверью — «вещь можно просто забрать».

— Почему вы мне это говорите?

— Потому что вы поняли: дверь вам не защита. Замки защищают от воров. От синдиката защищает только статус. — Он открыл папку. — Поэтому моё предложение. Вы — дочь Аркадия Клопова. Вы росли под его верстаком, вы помните его схемы заложенных камней, тайные метки, способы опечатывания ломбардных замков. Я прошу вас восстановить эти схемы — по памяти. В обмен вы получаете статус эксперта дома: клеймо в реестре, инструменты, мастерская, жалование и мою защиту. Полную.

— Полную, — повторила я. — Это как понимать?

Он посмотрел на меня поверх стакана, и мне показалось, что кофе в его глазах начал снова остывать.

— Пока долг вашего мужа не разобран до конца — а его будут разбирать, потому что он оказался должен не только вам, — вы находитесь под моим именем. Любая бумага, любой стол, любой вопрос — сначала через меня. Вы ходите там, где я скажу, и не ходите там, где я не скажу.

— То есть одна клетка на другую, — сказала я. — С разницей, что в этой теплее.

— В этой есть дверца, — сказал он. — Я сам её открою, когда закончим. Или вы — если успеете раньше меня.

Вот он, звоночек. Тихий, вежливый, в бархате. Я почувствовала его затылком, как чувствуют сквозняк. Этот человек привык, что вещи, которые он защищает, перестают быть чужими.

Я отломила кусок лепёшки — руки, к счастью, не дрожали, руки никогда не дрожали, за всю жизнь дрожали только слова.

— Мой пункт, — сказала я. — Одно имя — моё — вычеркнуть из всех списков. Не «под оплатой», не «заложено», не «право на неё» — из всех. Чтобы ни один каталог мира, ни один реестр, ни одна бумага господина Шталя не содержала меня как предмета. Моё имя — вне всех чужих долгов. Даю память — получаю имя обратно.

Он не ответил сразу. Сначала опустил взгляд на строку, где я оставила место для его подписи, потом выровнял лист по краю стола. Тяжёлая чёрная ручка легла поперёк бумаги. Я не стала подталкивать её к нему. Пусть сам решит, что для него значит это условие.

— Одно имя, — повторил он. — Вне всех списков.

— Моё, — уточнила я. — Не имущество, не обеспечение и не чья-то обязанность. Просто моё.

Он поднял глаза. Я ждала привычного торга: уточняющих пунктов, оговорки мелким шрифтом, вопроса, что я отдам взамен. Вместо этого Тарик взял ручку и подписал. Не перечитал даже заголовок. Росчерк получился широким и быстрым; перо на последней букве царапнуло бумагу.

Я придвинула лист к себе и провела пальцем над подписью, не касаясь чернил. Условие было принято — слишком легко, чтобы я могла этому обрадоваться.

— Вы даже не спросили, что будет, если имя останется в каком-нибудь реестре, — сказала я.

— Тогда это будет моя ошибка, — ответил он. — И исправлять её буду я.

Отказ я понимала бы. Уступку — тоже. Но человек, который соглашается сразу, — это человек, которому моё условие было нужно дешевле, чем мне кажется. Или дороже. Я не знала, что хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.